

ДНЕВНИК ЧИТАТЕЛЯ

Владимир Бондаренко. Сталинский грёзофарс.
Наш современник. 2016. № 2

Удивительная судьба у Игоря Северянина. Самый популярный поэт начала XX века, избранный королём поэтов в Москве в 1918 году и совершенно забытый уже к концу XX века. <...>

Когда-то, в десятые годы XX века, вообразив себя «грёзёром», молодой поэт своими грёзами о морях и ананасах, о шампанском и лилиях, о мороженом из сирени покорила российского читателя. Хотя и тогда поклонники, ближе познакомившись с ним, удивлялись: пишет об ананасах в шампанском, а сам пьёт водку с солёным огурцом. Грёзофарс...

Ироничный романтик Игорь Северянин и впрямь описывал не окружающую его жизнь, а свои грёзы о ней. Такой подход близок к подходу прозаика Александра Грина, тоже уходящего от скверной, нищей окружающей его жизни в свои «Алые паруса» и «Блистающие миры».

Вот и проживая в жутчайших условиях, в сараюшках, хилых домиках в эстонских глухих селениях, спасаясь от голода ловлей рыбы, Игорь Северянин только и мог, что мечтать о покинутой России. Он писал в своей одинокой глуши:

*Десять лет – грустных лет! – как заброшен
в приморскую глушь я.
Труп за трупом духовно родных. Да и сам полутруп.
Десять лет – страшных лет! – удушающего
равнодушья
Белой, красной – и розовой! – русских
общественных групп.
Десять лет – тяжких лет! – обескрыливающих
лишений,
Унижений, щемящей и мозг шеломящей нужды.
Десять лет – грозных лет! – сатирических строф
по мишени
Человеческой бесчеловечной и вечной вражды.
1927*

С белой эмиграцией он знаться не хотел, да и не было её в Эстонии. Эстонского языка Игорь Северянин так и не выучил, первые годы ему всё переводила жена Фелисса; когда он с ней разошёлся, стало тяжелее.

*Десять лет – странных лет! – отреченья от многих
привычек,
На теперешний взгляд, мудро-трезвый, ненужно
дурных...
Но зато столько ж лет рыб, озёр, перелесков и птичек
И встречанья у моря ни с чем не сравнимой весны!*

От поэзии грёзофарсов и утончённых поэтов он перешёл к пейзажной лирике и ностальгии по России. Такого поэта Игоря Северянина – русофила до мозга костей! – нынешняя Россия не знает вовсе...

*Как было некогда в Москве...
Там были церкви златоглавы,
И души – хрупотней стекла.
Там жизнь моя в расцвете славы,
В расцвете славы жизнь текла,
Вспенённая и золотая!
Он горек, мутный твой отстой.
И сам себе стихи читая,
Версту глотаю за верстой!
4 августа 1928, Тойла*

<...>
Начинались ностальгические грёзы Игоря Северянина по родине.

*И будет вскоре весенний день,
И мы поедем домой, в Россию...
Ты шляпу шёлковую надень:
Ты в ней особенно красива...
1925*

Но желания надевать для России шёлковую шляпу у его жены не было. Грёзы опять превращались в фарс:

*И ты прошепчешь: «Мы не во сне?..»
Тебя со смехом ущипну я
И зарыдаю, молясь весне
И землю русскую целую.*

Мало кто из русских поэтов в эмиграции так тосковал по России, как, казалось бы, весь прозападный, весь «в чём-то норвежском, в чём-то испанском», эпатажный поэт Игорь Северянин, своё творчество посвящающий России.

*О России петь – что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...
О России петь – что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать...*

О России петь – что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть.

1925

<...>

Я русский сам, и что я знаю?

Я падаю. Я в небо рвусь.

Я сам себя не понимаю,

А сам я – вылитая Русь!

Ночь под 1930-й год

ЗА ДНЕПР ОБИДНО

За годом год. И с каждым годом

Всё неотступней, всё сильнее

Влечёт к себе меня природа

Великой родины моей.

Я не завистлив, нет, но зависть

Святую чувствую порой,

Себе представив, что мерзавец –

Турист какой-нибудь такой,

Не понимающий России,

Не ценящий моей страны,

Глядит на Днепр в часы ночные

В сиянье киевской луны!

6 марта 1936 года

БЕЗ НАС

От гордого чувства, чуть странного,

Бывает так горько подчас:

Россия построена заново –

Не нами, другими, без нас...

Уж ладно ли, худо ль построена,

Однако построена всё ж.

Сильна ты без нашего воина,

Не наши ты песни поёшь!

И вот мы остались без родины,

И вид наш и жалок, и пуст,

Как будто бы белой смородины

Обглодан раскидистый куст.

Март 1936 года

<...>

Я сделал опыт. Он печален.

Чужой останется чужим.

Пора домой; залив зеркален,

Идёт весна к дверям моим.

2 апреля 1936 года

<...>

Нам в подлую эпоху жить дано:

В культурную эпоху озверенья.

Какие могут быть стихотворенья,
Когда кровь льётся всюду, как вино!

Протухшая мечта людей гнойна,

Наследие веков корыстью смято.

Всё, что живёт и дышит, виновато.

Культуры нет, раз может быть война!

Усть-Нарва, 11.01.40

<...>

Москва вчера не понимала,

Но завтра, верь, поймёт Москва:

Родиться Русским – слишком мало,

Чтоб русские иметь права...

Родиться Русским – слишком мало,

Им надо быть, им надо стать!

«Предгневье», 1925

<...>

В 1931 году у поэта выходит его лучший эмигрантский сборник стихов – «Классические розы», далее последовало несколько продолжительных гастрольных поездок по Европе, и потом наступило полное забвение. Ни книг, ни публикаций, ни гастролей.

Стала жизнь совсем на смерть похожа:

Всё тщета, всё тусклость, всё обман.

Я спускаюсь к лодке, зябко ёжась,

Чтобы кануть вместе с ней в туман...

159

Да и сам поэт пишет в письме другу: «Издателей на настоящие стихи теперь нет. Нет на них и читателя. Я пишу стихи, не записывая их, и почти всегда забываю».

Остаётся в душе одна Россия. Сегодня трудно представить подобное состояние, да и бывшие поклонники грезёра Северянина отворачиваются от его стихов о России. Им стыдно за них.

Много видел я стран и не хуже её –

Вся земля мною нежно любима.

Но с Россией сравнить?.. С нею – сердце моё,

И она для меня несравнима!

Чья космична душа, тот плохой патриот:

Целый мир для меня одинаков...

Знаю я, чем могуч и чем слаб мой народ,

Знаю смысл незначительных знаков...

<...>

Я мечтаю, что Небо от бед

Избавленье даст русскому краю.

Оттого, что я русский поэт,

Оттого я по-русски мечтаю!

1922

Россия соединялась в душе поэта с его же глубинным православием, о котором тоже и не догадываются многие ценители северянских поэм. Не случайно он неоднократно пешком ходил из своих эстонских деревень до Пюхтицкого монастыря, а это за тридцать километров. Обычно с ночёвкой у озера.

*На восток, туда, к горам Урала,
Разбросалась странная страна,
Что не раз, казалось, умирала,
Как любовь, как солнце, как весна.*

*И когда народ смолкал сурово
И, осиротелый, слеп от слёз,
Божьей волей воскресала снова,
Как весна, как солнце, как Христос!*

1925

<...>

*Ты потерял свою Россию.
Противоставил ли стихию
Добра стихии мрачной зла?
Нет? Так умолкни: увела
Тебя судьба не без причины
В края неласковой чужбины.
Что толку охать и тужить –
Россию нужно заслужить!*

1925

<...>

*Вот подождите – Россия воспрянет,
Снова воспрянет и на ноги встанет.
Впредь её Запад уже не обманет
Цивилизацией дутой своей...
Встанет Россия, да, встанет Россия,
Очи раскроет свои голубые,
Речи начнёт говорить огневые –
Мир преклонится тогда перед ней!
Встанет Россия – все споры рассудит...
Встанет Россия – народности сгрудит...
И уж у Запада больше не будет
Брать от негодной культуры росток.*

1925

<...>

Мало что зная о Советском Союзе, он поэтизирует его так же, как раньше поэтизировал своих принцесс из замков. Я бы назвал этот последний в его жизни цикл стихов «Сталинский грёзофарс». Вот одно из стихотворений.

В НАШ ПРАЗДНИК

*Взвивается красное знамя
Душою свободных времён.*

*Ведь всё, во что верилось нами,
Свершилось, как сбывшийся сон.
Мы слышим в восторженном гуле
Трёх новых взволнованных стран:
– Мы к стану рабочих примкнули,
Примкнули мы к стану крестьян.
Наш дух навсегда овесенен.
Мы верим в любви торжество.
Бессмертный да здравствует Ленин
И Сталин – преемник его!*

<...>

*Прислушивается к словам московским
Не только наша Красная земля,
Освоенная вечным Маяковским
В лучах маяковидного Кремля,
А целый мир, который будет завтра,
Как мы сегодня, – цельным и тугим,
И улыбнётся Сталин, мудрый автор,
Кто стал неизмеримо дорогим.
Ведь коммунизм воистину нетленен,
И просияет красная звезда
Не только там, где похоронен Ленин,
А всюду и везде, и навсегда.*

<...>

*Только ты, крестьянская, рабочая,
Человечекровая, одна лишь,
Родина, иная, чем все прочие,
И тебя войною не развалишь.
Потому что ты жива не случаем,
А идеей крепкой и великой,
Твоему я кланяюсь могучему,
Солнечно сияющему лику.*

13 сентября 1940 года

КРАСНАЯ СТРАНА

*Стройной стройкой строена
Красная страна,
Глубоко освоена
Разумом она.
Ясная, понятная,
Жаркая, как кровь,
Душам нашим внятная
Первая любовь.
Ты, непокоримая,
Крепкая, как сталь,
Родина любимая –
Глубь, и ширь, и даль.
Радость наша вешняя,
Гордость наша ты,
Ты – земная, здешняя,
Проще простоты.*

*Мира гниль подлецкая
Вся тебе видна,
Честная советская
Умная страна.
Враг глухими тропами
Не пройдёт сюда.
Светит над Европою
Красная звезда.
И в пунцовых лучиках
Худшее сгниёт,
Остальное ж, лучшее
К нам само придёт.
Над землёй возносится
Твой победный свет,
Ты ведь мироносица,
Лучше ж мира нет.*

*Стойким сердцем воина
Ты среди всех одна.
Стройной стройкой строена
Ты, моя страна!*

<...>

В октябре Вера Коренди (жена поэта) увозит совсем больного Северянина в Таллинн, где он и умер в декабре 1941 года. Похоронен на кладбище Александра Невского. На памятнике его строфа из «Классических роз»:

*Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб...*

Подготовил С. ДОНБАЙ, г. Кемерово

Поэт Игорь Северянин